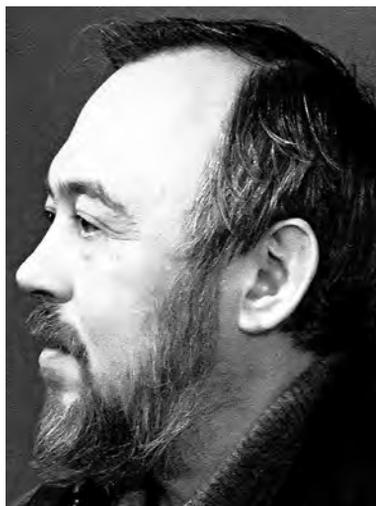

Александр Кабанов

Война

Александр Кабанов – украинский русскоязычный поэт. Автор семнадцати книг стихотворений и многочисленных публикаций в журнальной и газетной периодике. Его стихи переведены на все основные европейские языки. В 2022 году поэт стал лауреатом премии Фестиваля гражданской поэзии в Италии (г. Верчелли), который проходит под эгидой ЮНЕСКО, в номинации «За личные выдающиеся заслуги в современной поэзии». Александр Кабанов живет и работает в Киеве.

* * *

В тоскане, в умбрии, в пьемонте,
где виноград, как свет очей,
я находился на ремонте –
под наблюдением врачей.

Согласно урбану и пию
и прочим папам на крови,
я здесь – руинотерапию
освоил с помощью любви.

Среди пленительных развалин
и молодящихся цикад –
мой дом был скромн: восемь спален,
каминный зал, веранда в сад.

И я, прогуливаясь мимо
оливковых чуть пыльных рощ,
повсюду чувствовал незримо
империи былую мощь.

Теперь – с поправкой на лукавство,
сокрытое в людской молве,
я часто брал с собой лекарство –
вино, бутылку или две.

Закат расшатывал стропила
под черепицей бытия,
как хорошо, что ты почила
в веках, империя моя.

Пусть растворилась византия
в османской гуще, но она –
не обнулилась, как россия
в теперешние времена.

Не различить в тумане – дыма,
лететь по встречной – без руля,
и письма гоголя из рима
к ним не приходят с февраля.

* * *

Служу щепотью пыли –
не для отвода глаз:
мне важно – где вы были,
когда бомбили нас?

Как долго сомневались,
предчувствуя урон,
и с кем теперь остались
при выборе сторон?

Не избежать позора,
не сохранить лица –
тому, кто выбрал вора,
убийцу и лжеца.

Кто вражеской программой
перепрошит двойной,
а я – в дороге с мамой
и с маленькой женой.

Трясемся на ухабах
с утра и до утра:
я выбрал самых слабых
из воинства добра.

Но всем, кто шел по следу,
кто исцелился весь –
я подарю победу,
а сам останусь здесь.

На полке, под обложкой,
в чистилище всего –
собакой или кошкой
народа моего.

* * *

Сегодня ночью я спокоен:
пусть кошка спит лицом ко мне,
как маленький китайский воин,
и улыбается во сне.

Спокоен я в автомобиле,
спешащем на прием к врачу,
ведь нас сегодня – не бомбили,
и бог не погасил свечу.

Он отозвался с колоколен
своим утробным языком,
чтоб нас утешить: я спокоен,
и нынче – не звоню по ком.

Вдоль переулка пахнет сдобой,
сбежавшим кофе – за углом,
и киев, окруженный злобой,
вдруг переполнился добром.

Вот, в парке раздают обеды
для беженцев и стариков,
весна, как время для победы
и для высоких облаков.

Пусть в мире – тесно от пробоин,
в которых слышен дальний свет,
пусть кошка спит – я так спокоен,
что улыбаюсь ей в ответ.

Фуга о воскрешении

Рыба фугу, скажу я вам,
диктуя новый завет:
ничего особенного,

и на вкус и цвет –
напоминает копченую осетрину,
а теперь, извините,
я вас навсегда покину.

И начну вещать,
уменьшая билирубин,
из других высот
и совсем из иных глубин,
лежа на боку,
распахнув хладнокровный зев,
двигая плавниками
и полностью очешуев.

Хочешь найти меня –
делай тогда всё сам:
проведи миноискателем
по небесам,
а затем используй
возможности эхолота,
и тогда ты увидишь
на мониторах судного дня:
золотую точку,
пульсирующую звезду, меня,
как благовую весть о том,
что нам предстоит работа.

Открывать архивы
библейских, подсудных дел,
чтобы все мертвецы воскресли,
как он хотел,
чтобы вышли из тесных файлов
своих к нему,
чтобы он их повел за собой:
через смерть и тьму,
через смерть и тьму,
через смерть и тьму.

* * *

Бахыту Кенжееву

В серебряном веке спиною к реке,
в прозрачном, на голое тело,
ажурном немислимом дождевике –
цикада сидела и пела.
Так серные спички трясут в коробке –
часами стараясь над ухом,
и ты замолкаешь на их языке,
и тоже становишься слухом.

А все остальное – подделка, вранье,
цикада гадает, авгурит,
и кто от невидимых спичек ее
военную трубку прикурит?

Здесь нужно глядеть под особым углом,
следить за шитьем и покроем,
и мы оказались одни за столом,
и что-то о времени воем.

Мы пьем полумертвую воду огней
и плачем под песню цикады:
о маленькой жизни несчастной своей,
которой порою не рады.

Цикада над нами трясет коробок,
чтоб божие царство светлело,
а все остальное, мой старый дружок,
не наше собачье дело.

* * *

Туда, где зимою – ни снега,
ни ранней в зазубринах тьмы,
мы выйдем из тела ковчега –
и больше не будет зимы.

И больше не будет дороги,
которая всех увезла,
ни воя воздушной тревоги,
ни страха, ни крови, ни зла.

Здесь гроздь бананов, как груди,
тугими рядами висят,
и нравятся местные люди
всем женщинам за пятьдесят.

Ответь мне, больная собака:
что может быть в мире тогда
бессмысленней снега и мрака,
колючего ветра и льда?

И путая мачо и лечо,
на краешке райского дна
тебе, мой спаситель, отвечу:
бессмысленней снега – война.

Война за войною с войною
в предчувствии новой войны
страшнее, чем вьюга зимою
и ватные в детстве штаны.

Рождественский лед в водевиле,
а что еще вспомнить без слёз:
то утро, когда нас убили,
и солнце внесли на мороз.